

УДК 343.8
ББК 67.518

Ю.В. Латов,
кандидат экономических наук,
доктор социологических наук, доцент

ИНСТИТУТ ЗАПРЕТА «ВРЕДНЫХ БЛАГ»: ПРОГИБИЦИОНИЗМ VS. АНТИПРОГИБИЦИОНИЗМ

В статье рассматривается социально-экономическая обусловленность прогибиционизма – запрета на производство и потребление «вредных благ» (наркотиков, алкоголя, платного секса, услуг по эвтаназии и др.). Доказывается, что экономическое обоснование прогибиционизма недостаточно аргументировано. Автор предлагает рассматривать прогибиционизм как институт капиталистического общества, направленный на принудительное формирование дисциплинированного работника. Поскольку в современную эпоху формируется новый тип работника, постольку система административных запретов «вредных благ» перестает быть необходимой и начинает постепенно демонтироваться.

Ключевые слова: прогибиционизм; легализация наркоторговли; легализация проституции; легализация эвтаназии; институциональный анализ.

Yu.V. Latov,
Ph.D. in Economics,
Doctor of Sociology, Ass. Professor

THE INSTITUTION OF «HARMFUL GOODS» PROHIBITION: PROHIBITIONISM VS. ANTI-PROHIBITIONISM

The paper considers the social and economic justification of prohibitionism – the prohibition of the production and consumption of “harmful goods” (drugs, alcohol, paid sex, euthanasia services, etc.). It is proved that the economic basis in favor of prohibitionism is not sufficiently plausible. The author suggests viewing prohibitionism as an institution of capitalist society aimed at compulsory formation of a disciplined worker. As a new type of worker is appearing at present, the system of administrative prohibition of «harmful goods» is no longer necessary and gradually begins to disappear.

Key words: prohibitionism; legalization of drug dealing; legalization of prostitution; legalization of euthanasia; institutional analysis.

Современная экономика почти всех стран мира является рыночной. Это означает, что производство регулируется в основном не административными действиями и законами государственных агентств, а «невидимой рукой» рынка. Однако либеральный принцип «свободы торговли» в современном мире реализуется далеко не в полной степени. Практически во всех странах существуют законодательные нормы, запрещающие производство определенных видов товаров и услуг. Речь идет о запретах предоставления потребителям некоторых товаров и услуг как таковых, независимо от их качества*.

* Подавляющее большинство публикаций по проблемам прогибиционизма (от Prohibition – запрет) и антипрогибиционизма посвящена конкретным разновидностям запрещаемых товаров и услуг (в основном запрету наркотиков и проституции). Из работ по проблеме запрета в целом следует указать, прежде всего, на труды Я.И. Гилянского [4].

1. Современная система запретов на производство отдельных товаров и услуг

Среди товаров и услуг, которые запрещались в XX в. в каких-либо странах, можно выделить две группы – запрещаемые только на уровне отдельных стран и запрещаемые на уровне мирового сообщества в целом.

К числу товаров и услуг, запрещаемых в XX в. на уровне отдельных национальных государств, относятся алкоголь, услуги индустрии азартных игр и аборт как медицинская услуга.

1. Алкоголь.

Во многих развитых и развивающихся странах в первой половине XX в. вводился «сухой закон», запрещающий торговлю спиртными напитками. Наиболее извест-

тен пример США, где «сухой закон» (1920–1933 гг.) спровоцировал бурную деятельность организованной преступности. Были попытки внедрить жесткие административные ограничения на торговлю спиртным и в других странах (например в Финляндии, Канаде, Индии). В наши дни «сухой закон» действует только в некоторых странах ислама – в Объединенных Арабских Эмиратах, Саудовской Аравии и др.

В России этот запрет действовал в 1914–1925 гг.; впоследствии в СССР дважды (в 1950-е и в 1980-е гг.) делались попытки введения очень жестких административных ограничений на торговлю алкоголем. В настоящее время в нашей стране запрета на торговлю алкогольными напитками нет, хотя есть ряд административных ограничений (например, в ряде регионов запрещена ночная торговля спиртным).

2. Азартные игры.

В ряде стран мира в течение долгого времени действовали юридические запреты на игорный бизнес. Так, в Великобритании запрет на игорные дома, введенный еще в XVI в., отменили только в 1960-е гг. В США до 1980-х гг. азартные игры были разрешены лишь в двух штатах, а в остальных запрещены законом. В 2000-е гг. некоторые азартные игры (карты, тотализатор и игровые автоматы) остаются запрещенными только в двух американских штатах – Гавайи и Юта.

В СССР индустрию азартных игр почти полностью ликвидировали в 1928 г. – все игорные клубы и казино закрыли, сохранились лишь тотализаторы на ипподромах. Административный запрет в условиях командной экономики даже не потребовал специальной юридической нормы, запрещающей игорный бизнес. Только в конце 1980-х гг. начинают официально открываться игорные дома. Но в 2000-е гг. ограничения игорного бизнеса снова усиливаются. С июля 2009 г. игорный бизнес в России сосредоточен только в четырех специализированных зонах (Алтайском крае, Приморском крае, Калининградской области, а также в Краснодарском крае и Ростовской области), которые расположены по окраинам Российского государства. На остальной территории России работа игорных заведений (кроме букмекерских контор и тотализаторов) официально запрещена.

3. Аборты как медицинская услуга.

И за рубежом, и в нашей стране аборты неоднократно легализовывались, запрещались и вновь легализовывались.

В США юридическое запрещение абортов завершилось к 1880 гг. Несколько ранее, в 1869 г., британский парламент принял «Акт о преступлениях против личности», согласно которому аборт, начиная с момента зачатия, стал считаться тяжким преступлением. Легализация абортов в развитых странах Запада произошла только в 1960–1970-х гг.

В дореволюционной России аборты были юридически запрещенными, их легализация осуществилась только в СССР (закон 1920 г. «Об искусственном прерывании беременности»). Однако вскоре они вновь оказались под запретом: по закону, принятому в 1936 г., даже за принуждение женщины к прерыванию беременности полагалось тюремное заключение сроком до 2 лет. Только в 1955 г. советское правительство приняло новый закон «Об отмене запрета на аборт». В последние десятилетия в нашей стране право женщин на аборт как медицинскую услугу имеет тенденцию к расширению. Так, в 1996 г. правительство РФ постановлением № 567 сократило предельный срок прерывания беременности (с 28 недель до 22 недель, что соответствует нормам, установленным Всемирной организацией здравоохранения), но одновременно почти вдвое увеличило перечень социальных показаний. В то же время в 1999 г. депутаты Госдумы пытались принять проект закона «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения», который запрещал бы аборты по социальным показаниям.

Товары и услуги, запрещаемые на международном уровне. К числу товаров и услуг, запрещаемых в XX в. на уровне мирового сообщества, относятся наркотики, услуги секс-бизнеса, услуги по оказанию эвтаназии, а также донорские органы и ткани для трансплантации.

1. Наркотики*.

В настоящее время на общемировом уровне действует система запрета на торговлю наркотиками, за исключением чисто медицинской сферы их применения. Система окончательно сложилась в 1961 г., после при-

* По проблемам запрета/легализации наркотиков литература очень обширна: [3; 5; 7; 15].

нения Единой конвенции о наркотических веществах, которая позже была дополнена Венской конвенцией о психотропных веществах 1971 г. и Конвенцией о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Эти международные конвенции, ратифицированные практически всеми крупными государствами современного мира (включая Россию), создают глобальный режим запрета наркотиков как товара.

В современной России уголовный запрет на торговлю наркотиками закрепляется рядом статей Уголовного кодекса. Помимо уголовной ответственности за производство и торговлю наркотиками, в России действуют запреты и административного характера.

2. *Проституция и иные виды коммерческих сексуальных услуг* [2; 10; 13; 18].

Как и запрет наркотиков, запрет на развитие секс-бизнеса основан на международно-правовых актах, образуя тем самым общемировую систему.

Еще в 1910 г. в Париже 15 государств заключили Международное соглашение о борьбе с распространением порнографических изданий, ставшее основой для Международной конвенции о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими, принятой в Женеве в 1923 г. Уже после Второй мировой войны, в 1949 г., была принята Конвенция Объединенных Наций о пресечении торговли людьми и эксплуатации проституции, согласно которой торговля людьми считается незаконной, даже если осуществляется с их согласия.

Таким образом, ООН осудила тех, кто организует проституцию как сферу бизнеса, хотя и не призывала к запрету самой проституции. Позже эта Конвенция 1949 г. была дополнена рядом других документов – Декларацией о ликвидации дискриминации в отношении женщин 1967 г., Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. и др.

Система международных запретов секс-бизнеса дополнялась запретами на национальном уровне. Так, в США запрет проституции завершился к 1917 г. Во Франции запрещение борделей произошло в 1946 г. В 1950-е гг., во время американской оккупации, проституция была официально запрещена в Японии, где эта профессиональная деятель-

ность ранее считалась скорее уважаемой, чем презренной. В современной России уголовной ответственности за проституцию нет, но она предусмотрена за организацию проституции как бизнеса.

3. *Эвтаназия как коммерческая медицинская услуга* [6; 8; 11; 14; 17; 19].

Эвтаназия – предоставление услуг по наиболее безболезненному уходу из жизни – никогда не имела массового распространения. Видимо, это связано с тем, что нормы врачебной этики (как неформальный институт, сформировавшийся еще в античную эпоху) сильно препятствуют даже бесплатной помощи врача в облегчении пациенту ухода из жизни, не говоря уже о коммерциализации этой деятельности. Всемирная медицинская ассоциация (ВМА), неоднократно рассматривая вопрос об эвтаназии, всегда находила ее недопустимой и категорически осуждала. Тем не менее, наряду с неформальными запретами, в современном мире действуют и международные правовые акты, регулирующие право людей на жизнь и запрещающие эвтаназию. К их числу относятся Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и ряд других нормативных правовых актов.

Современное российское законодательство устанавливает прямой запрет на осуществление эвтаназии в ст. 45 «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан» от 22 июля 1993 г.

4. *Торговля органами и тканями для трансплантации**.

После того как в 1970-е гг. медицина освоила технологию вживления больным новых органов и тканей (почки, глазной хрусталик, сердце и т. д.) от здоровых доноров, появился спрос на донорские органы и ткани. Операции по трансплантации органов и тканей стали новой отраслью медицинской индустрии. Однако легальный рынок органов и тканей не сформировался из-за международных запретов на торговлю ими.

Ряд международных законодательных актов запрещают торговлю органами и тканями человека полностью и безоговорочно. В их числе, в частности, принятые в 1987 г. Руко-

* Прогибиционизм, связанный с трансплантологией, освещен в отечественной литературе довольно слабо: [1; 9].

водящие принципы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), регламентирующие трансплантацию органов и тканей человека, Конвенция ООН против организованной транснациональной преступности 2000 г., Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения 2002 г. (ст. 22). Из-за запрета на торговлю донорскими органами и тканями существующая в настоящее время система трансплантации основана на использовании органов и тканей либо умерших людей (что тоже разрешено не во всех странах и не в любых ситуациях), либо добровольных доноров (обычно – родственников больного). В результате легальное предложение сильно отстает от спроса, и многие пациенты умирают, не дождавшись своей очереди на дефицитный орган.

В нашей стране законодательное регулирование использования органов и тканей для трансплантации началось только в 1990-е гг. В УК РФ была предусмотрена уголовная ответственность за преступления, связанные с торговлей людьми, их органами или тканями (ст. 127.1).

Таким образом, обобщая опыт XX в., мы наблюдаем семь видов товаров и услуг, в отношении которых применялись или продолжают применяться юридические запреты и жесткие административные ограничения. Реализация запретов на производство запрещенных товаров и услуг (прежде всего на наркоторговлю и организацию секс-услуг) занимает значительную долю всех ресурсов защитников порядка. Однако насколько эффективно применение сил правоохранительных органов для реализации запретов на отдельные товары и услуги? И насколько вообще обоснованы эти запреты?

2. Запрещение «вредных» товаров и услуг как исторически преходящий институт

Запрет на производство «вредных» товаров и услуг в социально-экономической истории. В научной литературе по экономической теории преступности и борьбы с нею (economics of crime and punishment) при анализе запретов на некоторые товары и услуги давно используется понятие «вредные блага» (bad goods). Речь идет о наркотиках, алко-

ле, табаке, азартных играх, порнографии и т. д. – обо всех товарах и услугах, потребление которых одобряется самим потребителем, но отвергается обществом.

К сожалению, нацеленность криминологов и экономистов на сиюминутный контекст мешает им взглянуть на проблему шире. В частности, в литературе нет специальных исследований того, на основе каких объективных критериев можно отделить «вредные блага» от полезных. Обсуждение этой проблемы чаще всего происходит на основе стереотипов, которые настолько общеприняты, что воспринимаются как естественные аксиомы, не требующие доказательств. Однако если обратиться к истории, то окажется, что система юридических и даже этических запретов на производство и потребление «вредных благ» отнюдь не является «естественной».

Древние общества Востока и Запада вообще не знали запретов на производство и потребление каких-либо товаров и услуг. Лишь в средние века с возникновением мировых религий появляются конфессиональные запреты. Например, в христианской Европе каноническое право запрещало такие услуги, как ростовщичество и производство аборт. В исламских странах по соображениям конфессионального благочестия было запрещено потребление алкоголя, в Московской Руси XVI–XVII вв. – табака. Но в раннее новое время, по мере обмирщения западного общества, все конфессионально обусловленные юридические запреты на потребление чего-либо вновь исчезли.

Впрочем, неформальные (моральные) запреты сохранились и даже усилились. Так, отождествление производства абортов с убийством произошло в Западной Европе в XVI в. Представление о проституции как о позорном занятии, которое губит не только тело, но и душу, окончательно укоренилось тоже под влиянием Реформации.

Однако до XIX в. юридические запреты на производство каких-либо товаров являлись в странах Запада скорее исключением, чем правилом. Либеральная идеология требовала неограниченной свободы предпринимательства, полагая, что потребитель сам, без государственного принуждения, отдлит «хорошие» блага от «плохих». Можно вспомнить «опиумные войны», которые вели

страны Запада в 1830-е и 1850-е гг. с правительством Китая: запрет китайских чиновников на ввоз в Китай опиума воспринимался европейцами как нарушение «священных» принципов свободы торговли.

Однако с конца XIX в. в развитых странах Запада началось неуклонное наступление прогибиционизма, апеллирующего уже не столько к религиозным, сколько к «общечеловеческим», светским моральным ценностям. В результате в конце XIX в. в правовых системах европейских стран закрепились запреты на производство абортот и на организацию азартных игр. В начале XX в. формируется национальное и международное законодательство, запрещающее наркотики. Некоторые страны в первой трети XX в. сделали попытки запретить потребление даже алкоголя. К середине XX в. завершился запрет коммерческой проституции. В последние десятилетия XX в. в запрещенные товары включили человеческие органы и ткани, используемые для трансплантации, а в запрещенные услуги – коммерческую эвтаназию.

Попробуем сформулировать критерии «вредных благ», обобщая аргументы прогибиционистов, – тех, кто требует запрета наркотиков, проституции, абортов, спиртных напитков и т. д.

Экономический подход к обоснованию запретов с позиций коллективистской идеологии. Первый аргумент, который обычно приводят в пользу запретов, заключается в том, что *потребление «вредных благ» несет ущерб самому потребителю.*

Если четко сформулировать эту мысль на языке экономической науки, то подразумевается следующая цепочка умозаключений. Пусть сам потребитель в момент потребления «вредного блага» получает удовольствие. Однако на самом деле он наносит себе ущерб, поскольку скрытые, не осознанные им потери перевешивают полученные выгоды. Действительно, трудно отрицать, что потребление наркотиков и алкоголя может привести к разрушению организма и к преждевременной смерти, аборты понижают репродуктивные способности женщин, азартные игры разоряют заядлых игроков, проституция разрушает семьи и т. д.

Почему же, однако, потребитель не осознает *сам* вредности того, что он потребляет, и нуждается во *внешнем* запрете? Ведь «вредно»

потреблять можно *любой* товар: можно заболеть от неумеренного потребления обычного хлеба; можно погибнуть в пожаре, вызванном обычными спичками, и т. д. Но правовые нормы не запрещают, например, производство, торговлю и использование спичек на том основании, что, стремясь согреться у костра, можно устроить пожар. Рациональный потребитель, который является одной из базовых моделей неоклассической экономической теории (современного «основного течения» экономической науки), не нуждается во внешнем запрете чего-либо – он обладает достаточно полным знанием обо всех выгодах и издержках потребления и может сам решить, какие блага ему полезны, а какие – вредны.

Очевидно, концепция административного запрещения «вредных благ» основана на предположении о неполной информированности и рациональности потребителя. Это значит, что потребитель на самом деле НЕ обладает полным знанием обо всех доступных ему благах и/или он НЕ способен к точному соизмерению ожидаемых выгод и издержек. Такой подход вполне справедлив, поскольку критики неоклассической экономической теории уже несколько десятилетий убедительно доказывают неполное знание и ограниченную рациональность реальных экономических субъектов.

Однако тезис о неполном знании тоже не может служить достаточным обоснованием юридического запрета. Если люди чего-то не знают, то вместо запрета «вредного блага» было бы достаточно организовать распространение соответствующей информации о нем для взрослых людей (как это делают, например, со спичками), сохранив запрет только в отношении несовершеннолетних.

Следовательно, аргумент о том, что запрет нужен самому потенциальному потребителю, основан на предположении о трудности правильного соизмерения потребителем ожидаемых выгод и издержек (неполной рациональности). Действительно, вредные блага объединены одним свойством: пользу потребитель получает обычно сразу, а полные издержки несет спустя более или менее отдаленный промежуток времени.

Однако этим свойством – разделенностью во времени выгод и издержек – обладают *не только* вредные блага, но и очень многие по-

лезные. Скажем, человек, склонный к неумеренному питанию, тоже получает наслаждение во время поглощения пищи, а затем начинает страдать от расстройства желудка, ожирения и т. д. Однако ни один законодатель не предлагал вводить нормирование потребления пищи, чтобы «спасти» граждан от переедания.

Концепция объективной вредности для потребителя, кроме того, плохо подкрепляется историческими фактами. Ведь к концу XIX в., когда усилились запреты, вред от потребления «вредных благ» был объективно ниже, чем веком раньше, когда считалось, что «все дозволено»: врачами уже накоплен обширный опыт хирургического прерывания беременности и лечения последствий общения с проститутками (сифилиса и иных венерических болезней), найдены оптимальные рецепты производства алкогольных напитков, наркотики научились использовать как лекарственные препараты и т. д. Получается парадокс: административные запреты стали создаваться именно тогда, когда вред от запрещаемых товаров начал сокращаться.

Лучший контраргумент против тезиса о вредности некоторых благ для потребителя, который рассматривается как основание для запрета этих благ, можно найти у либеральных критиков прогибиционизма (таких, например, как знаменитый американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Милтон Фридмен). Они справедливо указывают, что обоснование запретов вредностью благ для самого потребителя покоится на тоталитарном недоверии к способности людей самостоятельно принимать ответственные решения*.

Это недоверие, может быть, имело основание на ранних ступенях развития человечества, когда индивид был слит с коллективом и стремился избегать самостоятельного приня-

тия решений в ситуации неопределенности. В эпоху нового времени рождается новый тип личности – человек, который может и желает сам нести за себя максимально возможную личную ответственность. Он не нуждается в опеке общества в форме юридического запрета на потребление чего-либо; более того, такую опеку он считает вредной для себя. Такой человек может, конечно, ошибаться – скажем, хотел попробовать наркотик, чтобы «расширить сознание», а в результате стал наркоманом. Однако право на ошибку в личном выборе неотделимо от самого права на личный выбор, которое рассматривается как неформальная базовая ценность современной западной цивилизации.

Таким образом, обоснование запрета «вредных благ» негативными последствиями для потребителя имеет некоторые основания, но их явно недостаточно. Оно не дает объяснения, почему из многих потенциально вредных в потреблении товаров и услуг запрещаются лишь некоторые.

Экономический подход к обоснованию запретов с позиций либеральной идеологии. Второй часто приводимый аргумент в поддержку административных запретов – это *ущерб, наносимый потребителем «вредных благ» окружающим его людям*. Выражаясь языком экономической науки, «вредные блага» – это товары и услуги, порождающие негативные внешние эффекты (экстерналии).

Если предыдущий аргумент основан на коллективистской идеологии (общество должно запрещать то, что вредит «истинным» нуждам потребителя), то данный аргумент апеллирует к либеральным ценностям (индивид волен делать все, пока его действия не вредят другим людям). Действительно, большая часть тяжких преступлений совершается людьми в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; чтобы завладеть органами для трансплантации, преступники могут похищать и убивать людей и т. д.

Этот аргумент, однако, можно подвергнуть критике: с одной стороны, он применяется непоследовательно, с другой – трудно дать объективное определение того, что считать «ущербом для окружающих».

Можно согласиться с тем, что, например, потребление наркотиков и криминальная торговля трансплантатами создают потенциальный вред «третьим лицам» (тем, кто

* «Никогда нельзя решать за самого человека, что именно для него хорошо, а что нет, — подчеркивает М. Фридмен. — Запрет на наркотики можно, по сути, сравнить с возможностью запрета обжорства. Практически все знают, что переедание вредно и в некоторых случаях может привести к летальному исходу. Таким образом, исходя из того, что мы запрещаем наркотики потому, что они вредны, мы также должны ввести запрет на излишнее потребление пищи. С таким же успехом можно запретить воздушную акробатику, мотивируя это возможностью разбиться. И почему бы нам тогда не заявить: «Нельзя заниматься горнолыжным спортом, так как это может причинить вред вашему здоровью» [20].

не является ни продавцом, ни покупателем «вредного блага»). Но негативный внешний эффект создается и потреблением многих других, вполне легальных товаров. Так, количество жертв автокатастроф, совершенных в трезвом виде, сопоставимо с количеством жертв наркомании; однако наркобизнес вытеснен в «черную» (криминальную) теневую экономику, а автомобильная индустрия является органической частью современной легальной экономики. Еще более наглядно сопоставление современного нелегального наркобизнеса с современной легальной алкогольной индустрией: число пострадавших от правонарушителей, находившихся в состоянии алкогольного опьянения, на порядок больше числа жертв лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения, что отнюдь не становится поводом для запрещения алкогольного бизнеса.

Рассмотрим теперь, насколько объективно понимание вреда «третьим лицам».

Кто, например, несет невольный ущерб от того, что какому-либо лицу нравится тратить свои деньги на азартные игры или на проститутку? Прогибиционист может указать на членов семьи потребителя: игрок разоряет не только себя, но и своих родных, а распутник рискует испортить здоровье как себе, так и своей супруге. Однако с экономической точки зрения члены семейного домохозяйства рассматриваются как один экономический субъект. Семья – это добровольный союз правоспособных людей. Решаясь на создание семьи, они должны рационально учитывать ожидаемые негативные последствия от «неправильного» поведения супруга. Если же супруг не оправдал ожиданий, союз с ним можно расторгнуть. Поэтому экстернатальных эффектов внутри домохозяйства нет, и этот аргумент просто ложен.

Особенно интересна ситуация с абортами, поскольку здесь вообще трудно определить, является ли страдающий организм (зародыш) «третьим лицом». Защитники абортов утверждают, что зародыш не является разумным существом, а потому его интересы не должны приниматься во внимание (как не считаются «третьим лицом», скажем, тараканы, от которых избавляют квартировладельцев производители специальных химикатов). Противники абортов возражают, что зародыш – не просто живое, но потенциальное

разумное существо, а потому его убийство следует считать ущербом «третьим лицам». Дискуссия упирается в социально-философскую проблему «что такое человек?», которая пока не имеет объективного решения.

Таким образом, характеристика запрещаемых «вредных благ», как порождающих негативные внешние эффекты, правомерна, но недостаточна. Этот подход не объясняет, по какому принципу из многих благ, чье потребление в той или иной степени опасно для окружающих, юридически запрещаются те, чье вредное воздействие на «третьих лиц» не самое сильное (наркотики в сравнении с алкоголем) или даже вообще сомнительное (аборты).

Экономический подход к обоснованию запретов с позиций институциональной экономической теории. Чтобы понять причины юридического запрета «вредных благ», следует выйти за пределы современной дискуссии прогибиционистов и антипрогибиционистов, апеллирующих в основном к аргументам неоклассической экономической теории. Взглянем на прогибиционизм (политику юридических и административных запретов отдельных товаров и услуг) как на исторически обусловленный социально-экономический институт – систему функциональных «правил игры».

Объяснение можно найти в концепциях Карла Поланьи и Мишеля Фуко, изучавших изменение объектов и методов наказаний в западноевропейской цивилизации нового времени. Эти ученые впервые обратили внимание на то, что капитализм, рождающийся под лозунгами экономической и политической свободы, не только отменял старые запреты (скажем, на экономическую конкуренцию, на ростовщичество, на личную зависимость), но и рождал многие новые.

Австро-американский историк-экономист Карл Поланьи рассматривал, как в раннекапиталистическом обществе искоренялась благотворительность в пользу бедных [12]. Если в средневековом обществе, отмечал он, помощь бедным считалась богоугодным занятием, то в новое время на бедняков начали смотреть как на отверженных, помогать которым бесполезно и даже аморально. Французский историк-культуролог Мишель Фуко тоже указал на формирование в новое время современной системы запретов. В отличие от Поланьи,

Фуко сделал акцент на изменении сексуальной культуры [16, с. 99–268]: характерный для эпохи Возрождения «культ тела» сменился в европейских странах нового времени строгим табуированием телесности, введением многочисленных запретов на проявление сексуальности.

К. Поланьи и М. Фуко рассматривали лишь отдельные аспекты прогибиционистских тенденций, относящихся только к эпохе генезиса капитализма. Взгляд на развитие прогибиционизма в западных странах как на специфический институт капиталистического общества позволяет выдвинуть гипотезу о том, что следует выделить не одну, а две волны запретов.

Первая волна, описанная К. Поланьи и М. Фуко, прошла в конце XVIII – начале XIX в. и завершилась формированием новых *неформальных* культурных норм, связанных с протестантской трудовой этикой и осуждающих погоню за удовольствиями. Вторая волна, прошедшая в конце XIX – начале XX в., перевела неформальные запреты в *формальные*, юридические. При этом *криминализировались*, прежде всего, те морально осуждаемые удовольствия, которые были наиболее легкодоступными для низших слоев и пользовались среди них наиболее широкой популярностью, – аборт (как последствие беспорядочного секса), азартные игры, проституция, наркотики, алкоголь.

Криминализация «вредных благ» была актом социальной инженерии – принудительного создания работника пуританского типа («дисциплинарного индивида», по терминологии М. Фуко), который видит смысл жизни исключительно в производительном труде и не отвлекается на «греховные удовольствия». Ведь позднее новое время стало апогеем индустриального производства, требующего дисциплинированных работников-«винтиков» (вспомним «Новые времена» Чарли Чаплина).

Труд становится в высшей степени обезличенным и отчужденным. Желая хоть на миг вырваться из серой рутины, наемные рабочие стремились после монотонной и

утомительной работы «отведать» дешевых удовольствий. Однако потребление «вредных благ» разрушало их ценность как работников. Поэтому элита начала юридически ограничивать потребительское поведение «простоллюдинов», принудительно заставляя их сохранять свой человеческий капитал.

Если верна наша гипотеза о том, что криминализация «вредных благ» является экономическим институтом, основанном на неформальных ценностях, то эта запретительная система должна демонтироваться скорее по мере изменения культурных стереотипов, чем по мере снижения объективного вреда от потребления «вредных благ». Действительно, тенденция именно такова.

Когда с 1960-х гг. на Западе пуританские ценности начали сменяться гедонистическими, то система административных запретов на производство и потребление «вредных» товаров и услуг тоже стала постепенно демонтироваться. Хотя в 1980-е гг. началась эпидемия СПИДа, наиболее опасная как раз для потребителей наркотиков и сексуальных наслаждений, это вовсе не остановило ни тенденции к легализации наркотиков, ни тенденции к легализации проституции. Поскольку в ближайшие десятилетия в странах западноевропейской цивилизации ожидается продолжение сдвига от пуританства к гедонизму (или, по крайней мере, толерантности), то начавшееся движение к «обществу без запретов», вероятнее всего, будет продолжаться.

Не случайно начало сдвигов в отношении к запретам совпало с разворачиванием НТР. Складывающемуся в конце XX в. постиндустриальному обществу уже не нужен работник-«винтик», чье поведение диктуется внешними запретами. Теперь производству нужен инициативный самообучающийся индивид, способный к нестандартному поведению и личной ответственности. Соответственно, прогибиционизм как экономический институт перестает быть необходимым, его негативные последствия перевешивают позитивные*.

* Окончание статьи см.: Криминологический журнал БГУЭП. 2010. № 2.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батенева Т. Все на продажу. Собственное расследование скандального дела московских трансплантологов // Известия науки. — 2003. — URL: <http://www.inauka.ru/mifs/article36568.html>
2. Билефский Д. Бельгийский эксперимент: легализация проституции для борьбы с ее пороками // InoPressa. — 2007. — 28 окт. — URL: <http://www.inopressa.ru/wsj/2005/05/26/15:54:52/prosti>
3. Гилинский Я.И. Война с наркотиками или мирное сосуществование? — URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/9.html>
4. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». — СПб. : Юридический центр Пресс, 2007.
5. Дейвенпорт-Хайнс Р. В поисках забвения. Всемирная история наркотиков. 1500–2000. — М.: ООО Издательство АСТ, 2004.
6. Дмитриев Ю.А., Шленева Е.В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии // Государство и право. — 2000. — № 11.
7. Коваленко Ю.В. Структурно-субъектные основы наркоконфликта и антинаркотической политики российского государства : дис. ... магистра конфликтологии. — СПб., 2007. — URL: <http://www.anti-narkotik.ru/yaz.ru/magistr.htm>
8. Конюшкина Ю.А. Об эвтаназии // Юрист. — 2002. — № 9; Легализация эвтаназии : обсуждение (2002–2007). — URL: <http://www.regnum.ru/dossier/1213.html>
9. Крючкова А. Продажа человеческих органов. 2003. — URL: <http://www.open.by/2003070906.html>
10. Ланская П., Спектор Е. Правовые основы легализации проституции в России // Вестник игорного бизнеса. — URL: <http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=16&Part=4>
11. Опыт легализации эвтаназии в мире (2007). — URL: <http://www.radiomayak.ru/doc.html?id=18417>
12. Поланы К. Великая трансформация. — СПб. : Алетейя, 2002.
13. Прянишников С.В. Контроль в сфере сексуальности: российский опыт // Материалы доклада на научном семинаре северо-западного филиала РНИИК и ПН. — СПб., 2003. — URL: <http://www.pryanishnikov.ru/dissertat/ARTICLE.DOC>
14. Стефанчук Р. К вопросу о легализации эвтаназии в странах СНГ: pro et contra // Юрист. — 2006. — № 10(64). — URL: http://www.zakon.kz/magazine/archive/2006_10_16.asp
15. Тимофеев Л.М. Наркобизнес: начальная теория экономической отрасли. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : РГГУ, 2003.
16. Фуко М. Воля к знанию («История сексуальности» I) // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — М. : Магистериум, 1996.
17. Шнайдер А. Эвтаназия по-волгодонски (2004). — URL: <http://www.proza.ru/texts/2005/04/29-124.html>
18. Штереншис М. Всемирная история всемирной проституции. — Ростов н/Д : Феникс, 2006.
19. Эвтаназия: законодательство разных стран и религиозная оценка (2004). — URL: <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=23203>
20. Interview with Milton Friedman on the Drug War. — 1991. — URL: <http://www.legalise-usa.org/documents/HTML/socialist.htm>

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. Bateneva T. Vse na prodazhu. Sobstvennoe rassledovanie skandal'nogo dela moskovskikh transplantologov // Izvestiya nauki. — 2003. — URL: <http://www.inauka.ru/mifs/article36568.html>
2. Bilefskiy D. Bel'giyskiy eksperiment: legalizatsiya prostitutsii dlya bor'by s ee porokami // InoPressa. — 2007. — 28 Okt. — URL: <http://www.inopressa.ru/wsj/2005/05/26/15:54:52/prosti>
3. Gilinskiy Ya.I. Voyna s narkotikami ili mirnoe sosushshestvovanie? — URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/9.html>
4. Gilinskiy Ya.I. Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh «otkloneniye». — SPb. : Yuridicheskiy tsentr Press, 2007.
5. Deyvenport-Khayns R. Vpoiskakh zabveniya. Vsemirnaya istoriya narkotikov. 1500–2000. — M.: ООО Izdatel'stvo AST, 2004.
6. Dmitriev Yu.A., Shleneva E.V. Pravo cheloveka v Rossiyskoy Federatsii na osushshestvlenie evtanazii // Gosudarstvo i pravo. — 2000. — № 11.

7. *Kovalenko Yu.V.* Strukturno-sub'ektnye osnovy narkokonflikta i antinarkoticheskoy politiki rossiyskogo gosudarstva : dis. ... magistra konfliktologii. — SPb., 2007. — URL: <http://www.anti-narkotik.ryaz.ru/magistr.htm>
8. *Konyushkina Yu.A.* Ob evtanazii // Yurist. — 2002. — № 9; Legalizatsiya evtanazii: obsuzhdenie (2002-2007). — URL: <http://www.regnum.ru/dossier/1213.html>
9. *Kryuchkova A.* Prodazha chelovecheskikh organov. — 2003. — URL: <http://www.open.by/2003070906.html>
10. *Lanskaya P., Spektor E.* Pravovye osnovy legalizatsii prostitutsii v Rossii // Vestnik igornogo biznesa. — URL: <http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=16&Part=4>
11. Opyt legalizatsii evtanazii v mire (2007). — URL: <http://www.radiomayak.ru/doc.html?id=18417>
12. *Polan'i K.* Velikaya transformatsiya. — SPb. : Aleteyya, 2002.
13. *Pryanishnikov S.V.* Kontrol' v sfere seksual'nosti: rossiyskiy opyt // Materialy doklada na nauchnom seminare severo-zapadnogo filiala RNIK i PN. — SPb., 2003. — URL: <http://www.pryanishnikov.ru/dissertat/ARTICLE.DOC>
14. *Stefanchuk R.* K voprosu o legalizatsii evtanazii v stranakh SNG: pro et contra // Yurist. — 2006. — № 10(64). — URL: http://www.zakon.kz/magazine/archive/2006_10_16.asp
15. *Timofeev L.M.* Narkobiznes: nachal'naya teoriya ekonomicheskoy otrasli. — 3-e izd., pererab. i dop. — M. : RGGU, 2003.
16. *Fuko M.* Volya k znaniyu («Istoriya seksual'nosti» I) // Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. — M. : Magisterium, 1996.
17. *Shnayder A.* Evtanaziya po-volgodonski (2004). — URL: <http://www.proza.ru/texts/2005/04/29-124.html>
18. *Shterenshis M.* Vsemirnaya istoriya vsemirnoy prostitutsii. — Rostov n/D : Feniks, 2006.
19. Evtanaziya: zakonodatel'stvo raznykh stran i religioznaya otsenka (2004). — URL: <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=23203>
20. Interview with Milton Friedman on the Drug War. — 1991. — URL: <http://www.legalise-usa.org/documents/HTML/socialist.htm>

Информация об авторе

Латов Юрий Валерьевич (Москва) — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научного центра. Академия управления МВД России (125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, e-mail: latov@mail.ru)

Information about the author

Latov, Yuriy Valeryevich (Moscow) — Doctor of Sociology, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Leading Researcher, Research Center. Academy of Management of Russian Ministry of Internal Affairs (8, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125171, e-mail: latov@mail.ru)